

1-4 31/22

Г О Л О С Ъ Ж И З Н И

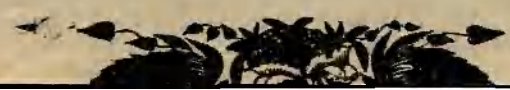
915

№ 23

Л И Т Е Р А Т У Р Н О - П О Л И Т И Ч Е С К И Й
 Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й
 Е Ж Е Н Е Д Е Л Ъ Н И К Ъ

Handwritten signature or initials in the bottom left corner.

СОДЕРЖАНИЕ № 23.

Д. Философовъ. „Хлѣбъ и надхлѣбѣ“ (статья).

А. Чалыгинъ. „Больной“ (рассказъ).

С. Андреевскій. „Карсавина“ (статья).

Леонидъ Галичъ. „Terra antiqua“ (стихотворенія).

Н. Лернеръ. „Изъ тьмы время“ (Еврейство 2.500 лѣтъ назадъ) (очеркъ).

ВѢСТИ и МНѢНІЯ. Борисъ Кремневъ. „Письма со стороны“ (V).

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

В. Я. Богучарскій († 8-го мая с. г.) (стр. 1).

Т. П. Карсавина (стр. 11).

Выставка рисунковъ и этюдовъ Е. Лансере и М. Добужинскаго.

М. Добужинскій. „Раненые“ (Къльцы) (стр. 3), „Русинъ“ (стр. 5), „Похотинецъ“ (стр. 7), „Поляки“ (стр. 15), „Плѣнные австрийцы“ (стр. 16).

Къ спектаклямъ студии московскаго Художественнаго театра.

Г. Верейскій. „Сверчокъ на печи“: Мистеръ Текльтонъ (Е. Б. Вахтанговъ), Берта (В. В. Соловьева) (стр. 18).

Л. Квятковскій. „Гибель надежды“: „Маритъе“ (стр. 8), „Бонъ“ (стр. 9).

„Гердь“ (стр. 17).

ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ: Льва Бруни, Н. Коровкина, С. Еремьина и др.

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи присылаемы въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ течение мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № рассылаются подписчикамъ 6 и 7 выпуски полнаго собранія сочиненій **Льва Толстого**, содержащія романъ „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (продолженіе).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимають участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, Н. Бруни, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Н. Долговъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючновъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Манделъштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соловьевъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, А. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, Викторъ Шкловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, Г. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Еремьина, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Б. Позень, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щекотихина, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій **Л. Н. Толстого** съ пересылкой—**8 р. 50 к.**

Допускается разерочка: при подпискѣ—**3 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го июня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**
Цѣна за 6 мѣс.—**4 р. 25 к.**, за 3 мѣс.—**2 р. 12 к.**

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій **Л. Н. Толстого**).
Съ пересылкой: за годъ—**4 р. 50 к.**, за 6 мѣс.—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.** Разерочка допускается: при подпискѣ—**2 р. 50 к.**, къ 1-го июня—**2 р.**

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками.**

Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ СОХРАНЯТЬ АДРЕСА

наклеиваемые на обложку номеровъ журнала, и **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ИХЪ КО ВСЕМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ**, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускоритъ всякія справки и способствуетъ **быстрому удовлетворенію требованій.**

ПЯТНАДЦАТЬ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ

- 1) „На всю жизнь“. (Эпоха импер. Александра I.) Цѣна 60 к.
- 2) „Невольная преступница“. (Эп. Екатерины II.) Цѣна 35 к.
- 3) „Живой мертвецъ“. (Эп. импер. Павла I.) Цѣна 35 к.
- 4) „Последніе орлы“. (Эп. импер. Николая I.) Цѣна 40 к.
- 5) „Лагуна жизни“. (Изъ жизни адмир. Нельсона.) Цѣна 45 к.
- 6) „Русскій американецъ“. (Эп. Александра I.) Цѣна 45 к.
- 7) „Могильный цвѣтокъ“.—8) „Возлюбленная фаворита“.—9) „Вѣщенскій рабъ“. (Эп. Людовика XV, Екатерины II и Густава III.) Цѣна трехъ романовъ 80 к.
- 10) „Красотна-еврейна“.—11) „Нороль-сердцеѣдъ“.—12) „Промисл красавицы Нанси“.—13) „Приключенія чераснаго вальета“.—14) „Рожденія вальета трефъ“.—15) „Варфоломеевская ночь“. (Изъ серіи „Молодость Генриха IV“.) Цѣна шести романовъ 1 р.

Цѣна всѣхъ 15 романовъ **3 р. 75 к.** съ пересыл.

Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРЪ, Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 23

3 іюня 1915 г.

Д. ФИЛОСОВЪ, ХДЪБЪ И НАДХДЪБІЕ.

20-го мая совѣтъ Литературно-общественнаго кружка имени А. И. Герцена устроилъ собраніе, посвященное памяти В. Я. Яковлева. Предсѣдательствовалъ М. М. Бовалевскій. Произнесли рѣчи: П. Н. Милюковъ, П. В. Струве, Ф. И. Родичевъ, Е. Д. Кускова, М. М. Калмыкова и Я. Я. Гуревичъ.

Особенно характерны и интересны были рѣчи Кусковой, Милюкова и Струве.

Каждый изъ нихъ подходилъ къ темѣ по-своему. Но-своему освѣщали личность недавно умершаго отъ насъ. Одна рѣчь служила дополненіемъ другой и въ общемъ, можно сказать, получилась довольно объективнымъ портретъ В. Я. Богучарскаго.

Родился В. Я. въ 1861 году, въ г. Богучарѣ, Воронежской губерніи, гдѣ отецъ его участвовалъ въ введеніи судебныхъ уставовъ, нѣсколько разъ исполняя подрядъ должность помощника мирового судьи. Мальчика отдали въ воронежскую гимназію. Оттуда онъ перешелъ въ Константиновское военное училище, которое и окончилъ успешно. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ молодой офицеръ

былъ прикомандированъ къ дипломатической миссии, отправленной въ Китай. Случайныя сибирскія встрѣчи, по словамъ

П. Н. Милюкова, оказались причиной втораго путешествія В. Я. въ Сибирь, на этотъ разъ подневольнаго: въ 1884 г. Богучарскій былъ арестованъ и пробылъ въ Якутской области пять лѣтъ. Вернулся онъ оттуда въ 1890 году. Началась трудовая интеллигентская жизнь, сопровождаемая матеріальной нуждой, идейными исканіями и скитаніями. Сначала земская работа, въ качествѣ третьяго элемента, затѣмъ участіе въ смоленской газетѣ.

Это было время общественнаго и политическаго затихія. На смѣну народническимъ идеаламъ, за которые и пострадалъ В. Я., выдвигался понемногу русскій „неомарксизмъ“. Сначала появилась знаменитая книга Бельтова, потомъ не менѣе знаменитыя „критическія замѣтки“ Струве. Повсюду велись неистовые споры на тему: „Существуетъ ли капитализмъ въ Россіи?“. Какъ вѣрно замѣтилъ Струве, теперь даже кажется страннымъ, что умные люди могли такъ жестоко спорить около этой темы.

В. Я. Богучарскій. († 8-го мая с. г.)

Но тогда эти споры были очень современны, и представителям „нео-марксизма“ приходилось выдерживать суровые нападки со стороны народниковъ и главнымъ образомъ со стороны Н. К. Михайловскаго.

Дѣло въ томъ, что споръ былъ гораздо шире поставленной темы. Онъ затрагивалъ вопросы о роли личности въ исторіи, о философіи историческаго процесса. Нео-марксизмъ шелъ какъ бы вразрѣзъ съ лучшими „завѣтами“ русской интеллигенціи, умалялъ значеніе личности, выдвигалъ на авансцену „железный законъ необходимости“. Въ пылу спора каждая изъ сторонъ перегибала объективную правду, доходила до крайности. Казалось, что Богучарскій, перейдя въ лагерь марксистовъ, какъ бы измѣнилъ своимъ старымъ убѣжденіямъ. Но это конечно невѣрно. Онъ былъ живымъ воплощеніемъ „двуединой“ правды. Онъ прикнулъ къ издававшимся тогда, подъ редакціей П. Б. Струве, марксистскимъ журналамъ „Новое Слово“, а затѣмъ — „Начало“. Работалъ впоследствии въ „Сѣверномъ Курьерѣ“ — словомъ, сталъ какъ будто заправскимъ марксистомъ. Но, какъ вѣрно отмѣтила въ своей рѣчи Е. Д. Кускова, всѣ перемѣны въ „направленіяхъ“, испытанныя Богучарскимъ, его переходъ отъ народничества къ марксизму, отъ марксизма къ социально-политическому реализму были лишь тактическими исканіями непоколебимо вѣрной души, чутко прислушивавшейся къ голосу исторіи, стремившейся къ единой, главной цѣли. Богучарскій никогда не цѣплялся за виѣшнюю самодовольную вѣрность доктринѣ. Какъ истый демократъ и народолобецъ, онъ остерегался навязывать „народу“ свою доктрину, стремясь исключительно къ тому, чтобы всячески помогать живому росту народныхъ силъ, чтобы фанатическая борьба мнѣнія и партіи не отдаляла осуществленія перваго и самаго необходимаго шага русской политической исторіи.

Поэтому, въ началѣ двадцатаго вѣка, марксистъ Богучарскій всецѣло предался идеѣ объединенія политическихъ дѣятелей въ одинъ союзъ. Онъ былъ однимъ изъ энергичѣйшихъ представителей союза освобожденія. Когда послѣ 17-го октября 1905 года образовалась конституціонно-демократическая партія, Богучарскій вошелъ въ нее, но пробылъ тамъ всего лишь нѣсколько дней. Тогда многие не понимали, почему Богучарскій поступилъ такимъ образомъ. Можетъ быть, и самъ онъ дѣйствовалъ скорѣе по интуиціи, нежели по опредѣленному плану. На Богучарскаго посыпались обвиненія. Его обвиняли въ застарѣлой интеллигентской недисциплинированности, въ неспособности подчиняться коллективу и т. д., и т. д. Но Богучарскій поступилъ вполне разумно и послѣдовательно. Онъ зналъ себѣ цѣну и понималъ, что, войдя въ партію, онъ обезсилитъ себя. Ему казалось, что нормальная жизнь партій, координація ихъ силъ возможна лишь въ странѣ политически свободной. А пока этого нѣтъ, должны быть политическія дѣятели „безъ заглавія“, сознательно поддерживающіе идею интеграціи всѣхъ демократическихъ партій. Если до 1905 г. онъ работалъ надъ объединеніемъ отдѣльныхъ лицъ, образовалъ „союзъ“ лицъ, то теперь самой существенной задачей ему представлялась работа надъ объединеніемъ прогрессивныхъ партій, борьба съ партійнымъ консерватизмомъ, мѣшающимъ положительной, реальной работѣ.

Къ сожалѣнію виѣшнія условія помѣшали ему. Въ 1910 году онъ вынужденъ былъ покинуть Россію. Но съ тѣмъ большей энергіей принялся онъ за эту работу по возвращеніи своемъ изъ Парижа, весной 1913 года. Не связанный партійной „дисциплиной“, которая, благодаря условіямъ русской жизни, очень часто сводится къ нетерпи-

мости и словопреніямъ, онъ былъ какъ бы связующимъ звеномъ между представителями прогрессивныхъ теченій, во имя политическаго реализма выносилъ за скобку то общее, что присуще всѣмъ партіямъ, начиная съ прогрессистовъ и кончая крайними лѣвыми.

Война поколебала позиціи всѣхъ партій, а потому роль Богучарскаго получила совершенно особое значеніе, и его утрата дѣйствительно незамѣнима. Многие, мало понимавшие покойнаго, обвиняли его чуть ли не въ оппортунизмѣ, въ „поправѣни“, въ забвеніи „идеаловъ“ и т. п. Конечно все это — неправда. Трудно найти такого рыцаря идеи, беззавѣтно преданнаго своей „прекрасной дамѣ“. Его „реализмъ“, виѣшнее тяготѣніе къ малымъ дѣламъ происходили отъ беззавѣтной любви къ родинѣ, къ широкимъ трудовымъ массамъ, къ нарождающейся русской демократіи...

Начиная съ 1913 года, Богучарскій принималъ участие въ работахъ Религіозно-философскаго общества. Чуждымъ „отвлеченной метафизикѣ“ и „теологіи“, онъ тѣмъ не менѣе съ большимъ вниманіемъ относился къ нашей работѣ и поощрялъ ее. Какъ-то, во время долгой, задушевной бесѣды, онъ сказалъ: „хлѣбъ и надхлѣбіе — одинаково святы. Главное, чтобы они были вмѣстѣ. Думая только о надхлѣбіи, вы отходите отъ жизни. Думая только о хлѣбѣ — вы забываете основной смыслъ жизни. Средство превратите въ цѣль“.

Это выраженіе Богучарскаго вошло въ обиходъ совѣта Религіозно-философскаго общества, и когда, прошлой весной, Богучарскій, вмѣстѣ съ Мережковскимъ, разработывалъ проектъ новаго журнала, который долженъ былъ выходить съ осени, „хлѣбъ и надхлѣбіе“ стали ходячимъ терминомъ. Богучарскій бралъ на себя отдѣлъ „хлѣба“, а Мережковскій долженъ былъ завѣдывать „надхлѣбіемъ“.

О „надхлѣбіи“ Богучарскій никогда не забывалъ. Вся его кристально-чистая жизнь — подвижничество служеніе одной, единой идеѣ. „Реализмъ“ былъ для него не „программой“, а „тактикой“, методомъ служенія русской жизни, ея общественной ответственности. Какъ и всѣ подлинныя русскіе интеллигенты, онъ все-таки былъ „утопистомъ“, до конца вѣрилъ въ роль личности въ исторіи. Но недаромъ онъ былъ историкомъ, недаромъ онъ зналъ, что такое „историческій процессъ“, какъ медленно этотъ процессъ развивается, какъ трудно воплотить въ немъ свои идеалы. И эта медленность не пугала его. Въ то время какъ пылкіе разумомъ утописты приходили въ отчаяніе, Богучарскій оставался попрежнему бодрымъ.

Когда грянула война, Богучарскій цѣлякомъ въ нее окунулся. Онъ ее принялъ, какъ фактъ, и считалъ, что наступило время „помолчать“, заняться черной, реальной работой, помогать народной арміи, укрѣплять „глубоки тылы“. На этой работѣ онъ и сгорѣлъ. И надо сказать, что судьба поступила съ нимъ крайне жестоко. 30-го января, во время панихиды по членѣ совѣта Вольно-экономическаго общества А. М. Коллюбакинѣ, пришло распоряженіе о закрытіи общества.

Богучарскій попрежнему бодрился, надѣялся. Но ударъ оказался для него смертельнымъ. Вся его съ трудомъ налаженная дѣятельность пошла какъ бы прахомъ. И, главное, его сознательный, беззавѣтный „реализмъ“ оказался, въ условіяхъ русской дѣйствительности, тѣмъ же старымъ утопизмомъ. Даже угрозы всемірной исторіи оказались безсильными измѣнить ходъ исторіи русской, внести въ нее столь желанный для Богучарскаго „реализмъ“. Опять и опять русская интеллигенція, самую силою вещей, толкается въ романтизмъ...

Д. Философовъ.

Выставка рисунков и этюдовъ Е. Лансере и М. Добужинскаго.

М. Добужинскій.

Раненые. (Къльцы.)

А. ЧАПЫГИНЪ,
БОЛЬНОЙ,

Охотника Ивашку Бодухина староста-родственникъ тайно извѣстилъ, что въ правленіе пришла бумага о собакахъ, какая—Ивашка такъ и не понялъ. Зашелъ въ правленіе, спросилъ писаря—писарь неохотно, но бумагу показалъ. Бодухинъ прочелъ:

„Замѣчено неоднократно урядниками, особенно въ волости „Холмы“, что собаки, охотничьи и прочія, бѣсятся, кусаютъ прохожихъ и скотъ. Поэтому приказываемъ мѣстнымъ урядникамъ и сгражникамъ перебить всѣхъ собакъ въ губерніи. Въ случаѣ, если со стороны жителей будутъ чиниться препятствія къ исполненію настоящаго постановленія, то виновныхъ привлекать къ судебной отвѣтственности“.

Пока не была бумага прочитана на сходѣ и постановленіе не вошло въ силу, младшій Бодухинъ спѣшно собрался въ лѣсъ. Со старшимъ братомъ онъ былъ въ ссорѣ изъ-за невѣсты. Старшій — Титко — сватался, заболѣлъ и отложилъ сватовство, а младшій женился на той же дѣвкѣ.

Титкову собаку Ивашка жалѣлъ пуще своей—на охоту рѣдкая, лучшая во всемъ уѣздѣ, но собака ни съ кѣмъ, кромѣ Титка, въ лѣсъ не шла, и Ивашка нехотя пришелъ къ брату. Старшій былъ нездоровъ давно, онъ кашлялъ, худѣлъ, по ночамъ его одолевала потъ. Брата встрѣтилъ равнодушно. Узнавъ о приказѣ, Титко засобирался въ лѣсъ. Укладывая харчъ, готовя пестерь, Титко думалъ:

„Безъ собаки намъ — корзина съ ребятами, по міру идтить... съ собакой семью кормилъ, платилъ подать—отъ одной земли ни што возьмешь“.

Въ лѣсъ братья направились безъ лыжъ, хорошо подымало по насту, шли неторопясь, чтобы больному Титку легче было идти. Ночью пришли къ избѣ. Дома въ избѣ тяжело дышать, но въ лѣсной, прокуренной горячимъ дымомъ, Титку стало еще хуже. Онъ не спалъ, сидѣлъ на нарахъ и кашлялъ. Младшій братъ храпѣлъ. Иногда, отбиваясь отъ блохъ, колотилъ тяжелыми руками по доскамъ. Подъ нарами сопѣла собака младшаго, титковой суки въ избѣ не было—бѣгала по лѣсу. Эта ночь далась лунная. На зиму стараются проконопатить стѣны лѣсныхъ избъ, но видно нѣкто изъ охотниковъ зимой въ избѣ не стоялъ—углы не законопачены и кое гдѣ въ пазахъ тоже видѣлись щели, оттого се-ребристыя нити насквозь прошивали теплую мглу избы.

Когда Титку легчало, онъ сидя норовилъ больше выпрямить грудь и оглядываясь видѣлъ ясно лицо брата, изрѣзанное узкими полосами луннаго свѣта: лицо было половинчатое, какъ у рыбы-камбалы, одноглазое. Близко въ углу блестяли стволъ и курокъ пистоннаго ружья, а въ каменкѣ рыжѣло пятнышко непотухшаго уголька, надъ нимъ сѣрѣлъ отъ луны черный камень каменки.

Титко, поглядывая на посѣрѣвшій камень, думалъ:

„Хорошо... Пуцай кашлю, но вѣкъ бы сидѣлъ тутъ вотъ въ темнотѣ да глядѣлъ, какъ на этотъ камушекъ мѣсяцъ пекеть... Спать братанъ, а я не могу, — продолжалъ, раскрывъ ротъ и выпучивъ глаза, Титко,—Господи! Да рази мы—не отъ одной матки? Я—не зауголокъ прижитой,—законный сынъ... того же батьки. Мнѣ вѣдь сорока лѣтъ и не жить, не жить!.. чую. Братанъ на моей невѣстѣ женился. Оговорить—„вдовецъ да хворый“—ему промыселъ, надо мо-

любую жену любить, а хвораго зазвалъ издыхать въ избѣ... Знаю—за тѣмъ звалъ. Не сплю, а заусну — спячюжодые“.

Титко сталъ видѣть сны тревожные: то онъ съ чужими людьми ходитъ по лѣсу по широкимъ бѣлымъ полянамъ, то идетъ по берегамъ безконечныхъ лѣсныхъ озеръ, сплошь заросшихъ бѣлыми лилиями. Иногда съ охоты попадаетъ въ баню или чадную, душную пазбу, гдѣ у огня сидятъ давно умершие пріятели и молчатъ — свой... „Родной братанъ— злодѣй. Невѣсту отбилъ, знаетъ, куда ведетъ, — говорить: „Тебѣ, Титко, все одно, — собаку жалко“. Я ему дешевле собаки. Собаку все равно, придемъ изъ лѣсу, урядникъ убьетъ, а нѣтъ и сосѣди — „отъ начальства приказано“... Мнѣ все одно. Вреш! Дома въ покоѣ отлежался бы. Оклеялъ... въ байнѣ попарили бы... колдунъ съ Ивашки не одного на ноги поставилъ, — правда, кинулъ кровь, хуже стало, а ежели еще кинуть?“..

Титко вздрогнулъ и вспомнилъ, какъ ему стало страшно, когда въ банѣ колдунъ подошелъ кровь пустить...

— Не хочу помирать. Богъ, ты слышишь? Не хочу! — крикнулъ выкрикнулъ онъ.

Въ отвѣтъ сонный Ивашка вытянулся на нарахъ, задржалъ больного упругимъ колѣномъ, по которому Титку хотѣлось ударить изо всей силы, но силы не было, онъ въ теплѣ обезсилѣлъ. Склонилъ голову и задремалъ. Ему коротко пригрезилось, что сватается. Дѣвки нѣтъ, сидитъ съ нимъ рядомъ на лавкѣ ея отецъ, старикъ-охотникъ, зоветъ:

— До свадьбы пойдемъ-ко въ лѣсъ, парень.

Они идутъ. Титко снова сидитъ въ избѣ, но изба своя. Титко, свѣсивъ голову, крѣпится, чтобы не кашлять.

— Большой сталъ, гдѣ ужъ жениться! — слышитъ онъ голосъ старухи-матери. — Открой глаза, милой!

Титко подымаетъ голову и видитъ дѣвку.

— Что-жъ запыхался какъ? — спрашиваетъ дѣвка.

— А ты, черноглаза, не бойсь... старикова дочь!

Видитъ Титко — глаза у дѣвки тусклые, сама она — холодная. Жметъ къ нему.

— Мнѣ и такъ холодно — студеная ты.

Холодная рука беретъ его за шею, губы щекочутъ подбородокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Кашляю.

Противится Титко, но дѣвка цѣлуетъ, и Титко начинаетъ кашлять. Подымаетъ голову, оглядывается. Вся изрѣзанная свѣтлыми полосами, еще больше ожила темнота избы. Къ полуночи мѣсяцъ сталъ ярче. Отъ блеска ружья въ углу Титко отворачиваетъ голову, жмуритъ глаза — хочется снова задремать, увидѣть во снѣ дѣвку — студеная.. мертвая... цю.

Задремать больше не можетъ, а лечь боится — лежа нѣтъ дышать. Подъ бокомъ храпитъ горячій братъ. Титко встаетъ, смотритъ въ лицо Ивашкѣ, оно также половничатое. Въ глаза нестерпимо лѣзетъ блескъ ружья въ углу.

— Видно неспроста на глаза падаетъ?

Титко почувствовалъ, что весь дрожитъ; онъ подвинулся къ ноги брата, протянулъ руку, взялъ ружье. Ружье — холодное, тяжелое, не видное въ темнотѣ. Надо сжимать крѣпко пальцы рукъ, чтобы оно не моталось, не задѣвало за доски вѣр п стѣну.

— Ну, ну, ну... — однообразно стонетъ Титко прислушиваясь.

Братъ громко бредитъ, и слышится больному, что братъ говоритъ во снѣ:

— Дохлый онъ укъ...

М. Добужинский. Русинь.

— Я-то — дохлый, — ты, думаешь, нѣтъ?.. богатырь!.. ты думаешь... Помирать — такъ вдвоемъ, да, да!

Титко сгибается еще больше, слегка покашливаетъ и, словно плача, жестоко, хитро смѣется задуманному. Наводитъ дуло ружья въ лицо соннаго — надо скоро. Только бы конецъ дула разглядѣть. Титко еще больше сползаетъ къ краю наръ. Не можетъ попасть дуломъ въ лунную полосу.

— Задѣну лицо — разбужу... нѣтъ, погоди-и.

Сердце стучитъ невыносимо; отъ кашля тускнѣетъ и дрожитъ свѣтъ мѣсяца — глаза застилаетъ рыбой, свѣтлой пленкой. Титко медленно опускаетъ ружье на колѣна. Братъ пробормоталъ во снѣ; поднялъ руку, разрывая серебристыя

нити, провелъ по лицу, и рука съ глухимъ стукомъ упала на доски нарѣ.

„Силаща! рука—чугунъ!..—думаетъ потный, ослабѣвшій отъ кашля Титко, упрямо скрипя зубами и отыскивая въ лучахъ мѣсяца конецъ дула ружья,—только бы не закашляться!“

Неожиданно звонок у избы залаяла собака:

— О-о-о! у-у-у!

Титко мысленно выругалъ ее:

„Проклятая!“

Братъ завозился на нарахъ. передвинулся, его лицо исчезло въ тѣни.

„Какъ же теперь? надо ждать!—думаетъ Титко,—стрѣлить, а во что попаду?—добывать и звѣря тяжело, не то его... Тронуть боюсь. Страшно тронуть—родного ощущу не убить“.

Собака лаеетъ все настойчивѣе—она зоветъ.

— Заладила. Штобъ ты пропала!

Ивашка поднялся на нарахъ, скрипнули доски, послышалось, какъ звѣнулъ онъ и почесался.

— Лаеетъ „Милька“?

— Лаеетъ.

— Я во снѣ слышу—лаеетъ, да проснуться не могу. Сонъ-отъ сбиваетъ: будто бы не лай, а шаркунъ у дуги и ѣду я. Ты не спишь?

— Не сплю... Спи, чего высталъ—идти ночью куда, ей-то все равно по-денному, а человѣку не видно—спи!..—уговаривалъ брата Титко, незамѣтно ставя ружье на прежнее мѣсто.

— Мѣсяцъ некетъ—дай-ко пойду, твоя собака на пустую не зазвонитъ.

Слышалъ Титко, какъ братъ въ темнотѣ нащупалъ валежки; обулся и отворилъ избу. За хозяиномъ, въ голубѣющее, лунное пятно открытыхъ дверей, мелькнулъ черный комъ собаки. Холодъ обдалъ нары, съ потолка посыпался песокъ, изба захлопнулась. Лай за избой притихъ, потомъ вмѣстѣ съ поскрипываньемъ снѣга отъ грузныхъ шаговъ возобновился сильнѣе—теперь слышны были два собачьихъ голоса. Лай удалялся и замирали шаги.

— Не убилъ! Чего ты боялся, баба!—громко ругнулъ себя Титко.

Снѣгъ снова заскрипѣлъ, вернулся Ивашко. Онъ заманилъ въ избу собакъ и сказалъ:

— Куница прошла—свѣжій слѣдъ.

Повозился коротко у каменки—зажегъ лучину.

— Тебѣ все не спится?

— Дунить лежа-то. Ты спать оудешь?

— Не лгу. Отъ того тебѣ не спится, что холодно, изба—рѣшето, выносить тепло. Топить надо, заодно чаю сваримъ, а тамъ въ свѣтъ зачнется.

Ивашко разжегъ каменку. Большой, неуклюжий, онъ, стоя на колѣнахъ, кололъ дрова. Титко съ нарѣ пересѣлъ на полъ и, поглядывая на чернаго брата, освѣщеннаго съ боковъ, думалъ:

„Вишь, онъ какой. Большой, какъ я раньше не видалъ его. Да, разные мы отъ Бога“.

Пили чай. Ивашко хрустя жадно грызъ ржаные сухари. Титко тоже ѣлъ, но сухари, казалось, ему кто-то пересыпалъ перцемъ. Младшему не сидѣлось въ избѣ, онъ выглянулъ въ лѣсъ.

— Недалече до свѣта, день коротокъ, а куница идетъ ночью, со свѣтомъ спать ляжетъ. Давай-ка, братишка, пойдемъ.

Младшій сталъ олъваться. Собаки, слышавъ сборы,

тоже вылѣзли изъ-подъ нарѣ. Въ избѣ было тепло. Дымъ вышелъ. Титко сидѣлъ подремывая. Ивашко посмотрѣлъ сверху на дремлющаго.

— Ежели тебѣ идти не въ сызносъ, сиди въ избѣ, я одинъ слажу. Твоя собака пойдетъ и со мной, на слѣдъ пала.

Титко кивнулъ головой, но какая-то неясная еще мысль подтолкнула его.

— Ладно, сажу... а нѣтъ! нѣтъ, я и-иду.

Титко торопясь, насколько хватило силъ, надѣлъ полшубокъ, взявъ въ карманъ сухарей и долго, старательно заряжалъ ружье—сверхъ дробового заряда протолкнулъ въ дуло жеребин. Ивашко змѣтилъ его справу.

— Зачѣмъ пулю забилъ? Не на лоса, этому звѣрю и дробового заряда хватить.

— Я на случай, братанъ.

Ивашко взявъ изъ угла избы свое ружье, оглядѣлъ шстонъ, и братья двинулись за куницей.

Было свѣтло въ лѣсу, луна еще не ушла, но Титко лѣсъ казался небывало сумрачнымъ, во мракѣ онъ не видѣлъ валежника и часто натыкался, иногда падаль.

Вверху и посрединѣ высокихъ елей вѣтки, казалось ему, налиты жидкимъ, расплавленнымъ оловомъ; вѣтки тяжело свисали, а тамъ, гдѣ онѣ касались снѣговой земли, снѣгъ горѣлъ бѣлымъ огнемъ, и Титко, словно во снѣ, обходялъ стороной, боясь обжечься. Иногда Титко вздрагивалъ и останавливался, тонкій стволъ дерева и свѣтлый отъ луннаго свѣта мерзлый сукъ ему напоминали что-то. Титко ощущивалъ, перегибая холодную руку, свое ружье за спиной и отставалъ, разглядывая широкую спину брата среди блестящихъ, свѣтлыхъ вѣтвей. Если братъ оглядывался, Титко склонялъ голову и начиналъ покашливать.

— Подожду... еще подожду...

Ивашко ничего не замѣчалъ, спѣшилъ за собаками, лѣсъ обступалъ все гуще. Титко иногда пригибался къ землѣ, хотя и трудно было; боясь потерять мелькающую спину брата, Титко терпѣливо сносилъ боли въ груди.

„Ужо на полянѣ... мишень видкую надоть... — и тутъ же ругалъ себя:—баба!“

Подхватило рѣдколѣсье, ярче заблестѣлъ снѣгъ—каинову жергву! Пуцай Богъ вѣдаетъ... иному пуцай даетъ силу...

Титко снялъ ружье, взвелъ курокъ, но, какъ только сдѣлалъ это, въ груди у него стало саднить, а за горло словно схватили и сжали. Ему хотѣлось остановить брата на рѣдколѣсьѣ и крикнуть: „Братанъ! стой!“. Вмѣсто этого Титко хрипло и дико закричалъ:

— Ухо-о-ди ты-ы!

Ивашко остановился, обернулся и спросилъ:

— Тяжело, што ли, брагишко?

Титко подошелъ къ брату; кинулъ ружье въ снѣгъ; повалился Ивашкѣ въ ноги и сбивчиво заговорилъ плача:

— Живи, братанъ! Онъ тебѣ двойную силу даль... моя сила на тебя пошла, ты не виноватъ, и Богъ не... а такъ, такъ.

— Худо, Титъ. Дай-ко сдуну тебя!—Ивашко поднялъ брата, старательно смахнулъ съ него снѣгъ и прибавилъ:—тяжелѣтъ сталь, не ладно...

Титко взялъ ружье. Ивашко посмотрѣлъ на него и отошелъ, бормоча:

— Вишь, куница петли дѣлаетъ! собаки, гѣ прямо чешутъ, а какъ звѣрь по ряду пойдетъ, не дастъ слѣдовъ, потерять можно.

Послѣ того какъ Титко заплакалъ, лежа предъ братомъ въ снѣгу, въ груди перестало саднить. Литое олово на

М. Добужинский. Пьхотинец.

Увязь отъ зари порыжѣло. Титко, осторожно втягивая
вздуть, шире вздохнулъ и подумалъ:

„Богъ съ нимъ!“.

Широко шагая, Ивашко уходилъ. Титко брелъ сзади,
едвавно волоча ноги.

„Бѣжить. Радъ кинуть, какъ пропадуживу!—злялся Титко,
в путь же остановить себя: — чую... не много жить мнѣ,

а сатана моей души ждетъ. Убей, убей! и зубы свои огнен-
ные, можетъ быть, между лѣсинымъ очеряеть... убей! Уходи,
братанъ! я слабъ—уходи, родной! Не уйдешь ты—уйду я!“

Ивашка выправилъ слѣды, показалъ ихъ собакамъ и
остановился, крича издали Титку:

— Братиш-ко-о! ты въ сторону пошелъ!

— Сатану отвожу!

— Али тамъ тебѣ слѣды мерещатся, а?

— Прощай!

— Отзовись, коли завадоблю-у-сь!

Титко все дальше брелъ въ сторону, слѣлъ. Разстегнулъ воротъ рубахи, распахнулъ полушубокъ и, открывъ ротъ, сталъ жадно дышать. Посидѣвъ Титко оглядываясь злорадно спросилъ:

— Ты, неприятный, что взялъ? Каиномъ не сдѣлалъ! въ избѣ чуть въ адъ не спихнулъ... блазнилъ, а я вотъ ушелъ!

Оглядывая слѣгъ, Титко замѣтилъ слѣды какого-то звѣря—копытные слѣды... звѣриные... а можетъ, сатана тутъ ходилъ.

Титко запахнулъ въ полушубокъ, всталъ. Ему хотѣлось дальше уйти. Боясь ослабѣть, вачупалъ въ карманѣ сухари, разгрызъ одинъ и выплюнулъ, разгрызъ другой—тоже горькии. Отъ его невѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ тяжело снялся глухарь съ ели и улетѣлъ.

„Бойтса, глухой... мнѣ стрѣлить не охота... Оттого человѣку прельстительна кровь, что ружье носить...—подумалъ Титко, снялъ и безъ сожалѣнія бросилъ ружье въ слѣгъ. Едва лишь онъ бросилъ ружье, какъ услышалъ далекий выстрѣлъ.—Братанъ кунцу убилъ... Кровь!.. кровь!“

Вскорѣ послѣ выстрѣла Титко услышалъ голосъ Ивашки.

—Братишко-о! шко-о-о!..—звенѣлъ отзвукъ по лѣсу.

„Не добро вмѣстяхъ... не ищи смерти... злой я!“—думалъ Титко, уходя на отзвукъ.

Титко зналъ, что идти на отзвукъ—идти прочь отъ зовущаго. Верхушки деревьевъ пожелтели отъ зари. Титко рѣшилъ сѣсть, онъ не усталъ—хотѣлъ спать. Выбралъ длинную валежину, мало запорошенную слѣгомъ, слѣлъ, прислонился спиной къ толстой соснѣ.

„Тутъ залогу сдѣлаю... Кажись, мѣсяцъ всходитъ—вишь, по вершиню, какъ свѣчки затеплились!“—подумалъ онъ, закрывая глаза.

Когда Титко открылъ глаза, то замѣтилъ рядомъ охотника. Охотникъ курилъ, вѣтромъ заносило дымъ въ лицо Титку, онъ кашлялъ.

Охотникъ кивнулъ ему. Въместо того, чтобы заставить не курить въ лицо, Титко подумалъ:

„Схожъ... сухонькии, востроносый, только бороды у меня нѣтъ бѣлесой. Моя короче, кудреватѣе.—Охотникъ заговорилъ.—И голосъ схожъ—слова тянетъ... диво“.

— Сдѣлалъ залогу—подъемъ-ка, родня!..

— Ты—не родня... помню, по бородѣ такъ ты—колдунъ съ Ивашки, въ байнѣ мылъ.

Титко неохотно всталъ, охотникъ не отвѣтилъ и пропустилъ его впередъ.

„Видно до утра залоговалъ на валежинѣ, свѣтло въ лѣсу“,—подумалъ Титко, но какъ ни глядѣлъ—нигдѣ не видѣлъ ни солнечныхъ пятенъ, ни блеклыхъ полосъ луны.

Сумраченъ былъ лѣсъ по верхушкамъ, лишь снизу сияли вездѣ мелкіе бѣлые огоньки—отъ Адамовой головы—болотныхъ лилій свѣтъ...

„Зачѣмъ цвѣты?... Зима. Не колдунъ съ Ивашки,—вишь, мужикъ обидѣлся. Молчать... да, знаю. Онъ—будущи тестъ, ведетъ на охоту. знаю“.

— Бра-а-а-ть... а-а-а-ть...—зазвенѣло откуда-то издали.

— Свагаюсь... ты кричи.. за лѣшней иду.

Титко идетъ и не слышитъ ни шаговъ спутника, ни собственныхъ шаговъ. Залаяла собака. Да... „Милькинъ“ голосъ... гдѣ же она? а вотъ. Собака Титка ни видомъ, ни шерстью непохожа—вся бѣлая и на оленьемъ мху совсѣмъ какъ будто плоская. Собака лаетъ на птицу. Не высоко въ темныхъ вѣтвяхъ птица сидитъ, тоже бѣлая, лицо дѣвичье, въ волосахъ Адамова голова, бѣлая лилия—тѣ самые цвѣты... озеръ много.

— Стрѣли!—говоритъ голосъ. Титко никого не видитъ, но голосъ слышитъ ясно.—Убей! пройдетъ хворь... боишься человѣческихъ глазъ?

Титку стрѣлять не хочется, онъ съ усилиемъ что-то вспоминаетъ и говорить, вспоминая:

— Уружье кинулъ

Голосъ настаиваетъ:

— Кровь лиль, не кинулъ грѣхъ.

И Титко чувствуетъ, что ружье есть за плечами, но птица исчезла. Онъ идетъ въ сторону. Между деревьями проходитъ высокая дѣвка.

— Изба близко... отца встрѣнуть вышла... ликъ свѣтлый, по-о-жди!—кричитъ Титко, и дѣвка ждетъ его.

Голосъ останавливаетъ.

— Поспѣешь къ ней... чуръ насъ!

Отъ голоса спутника Титко видитъ, какъ таетъ въ бѣломъ туманѣ дѣвичии обликъ.

„Злой! Я,—думалъ опъ,—съ душой сугрѣвной обличьемъ схожъ“.

И еще больше уходитъ въ сторону. Шаговъ не слышитъ, но знаетъ, что навизчивый спутникъ не отстаетъ, идетъ. Близко зачернѣла изба. У дверей избы кто-то спросилъ:

— Все кашляешь?

— Ахъ, зауснуть бы...—и Титко зѣвнулъ.

Его обхватилъ и тихо повелъ кто-то. Глаза у него зажмурены, а когда открылъ глаза, то увидалъ: въ узкое оконце падаетъ лунный свѣтъ. Заговорили.

Л. Квятковскій. „Гибель Надежды“. Маринья.
(М. А. Ефремова.)

Л. Квятковскій. „Гибель Надежды“. Бонъ. (И. В. Лазаревъ.)

— Женихъ?

— Хворый... поколдуемъ—пустимъ кровь.

„Лечить будутъ!.. Колдунъ съ Ивакши!..—подумалъ Титко, щупая стѣны, теплыя доски:—байна... мѣсяцъ пекетъ“. Оглянулся—въ углу въ кувшинѣ горитъ бѣлый огонь. По банѣ ходитъ охотникъ съ бѣлосой бородой. Слова шепчетъ, льетъ изъ шайки на каменку.

— Не очень ты... паромъ стушить!

Титку никто не отвѣчаетъ, а за окномъ зовутъ:

— Ти-и-тко-о!

Титку пріятно, тепло. Сквозной, какъ паутина, по банѣ беззвучно ходитъ кто-то. Титко думаетъ:

„Ози... не приду“.

Свѣтъ мѣсяца въ окнѣ померкъ. Вотъ сверкнулъ какъ будто ножъ, сдѣлалось больно въ груди, и вскрикнулъ Титко: „Ай, что-тъ!“ Стало легко, хотя во рту Титко почувствовалъ кровь—онъ ее зналъ и застоналъ: „А-а-а!“... Опять кто-то строго сказалъ:

— Отойди! въ лѣсу шла!..

Титко обрадовался и шепотомъ позвалъ:

— И-иди!

— Чуръ, не цѣлуй!—сказалъ голосъ.

Титко широко раскрылъ глаза и радостно заговорилъ:

— Вотъ какая ты? Укрылась за лѣсивье—зачѣмъ волосы гноишь? цвѣты въ котыняхъ... запомывалъ... сказать думалъ что...

Сердце больно забилося, потемнѣло въ глазахъ.

— Что? ахъ, я!..

Титко зналъ, что сказать, и понималъ, что говорить не то, но не находилъ словъ и торопился оттого, что въ глазахъ темнѣло, и ликъ красавицы, склоненный надъ нимъ, таялъ.

— Она пойметъ, выстану, пойду за ней...

Подходящее, нужное слово Титку мѣшалъ найти голосъ за окномъ:

— Тко-о-о!

— Заклекнись, Ивашко!..

Титко сжалъ зубы, силился раскрыть глаза и все болѣе терялъ во мглѣ лицо красавицы съ болотными лиліями въ волосахъ.

— Выстать надо!..

Пошевелилъ рукой—не подымается, пробовалъ поднять голову—не могъ.

— Онъ... онъ. Околдовалъ!

А далеко изъ-подъ земли услышалъ еще:

— А-а-а-тъ!

А. Чапыгинъ.

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

КАРСАВИНА.

Любя всѣ виды искусства, наблюдая его во всевозможных сферахъ, я между прочимъ когда-то чуть не считался „балетоманомъ“! Дель-Эра, Цукки, стихотворная полемика съ К. Скальковскимъ (прибѣгавшимъ для возраженіи къ стихамъ В. П. Буренина), мои куплеты Кшесинской, все это уже — „архивъ“.

Наступилъ внезапно большой перерывъ...

Вдругъ обозначилось восхождение Павловой. Я опять увлекся. У меня возникла цѣлая литература объ этой гениальной артисткѣ.

И вотъ, совершенно случайно, я пропустилъ Карсавину. Видѣлъ ее почти дѣвочкой, принадлежавшею къ кордебалету. Помнится, иногда она сидѣла въ креслахъ Павловой, любясь этой „восходящей звѣздой“...

Такимъ образомъ вся слава Карсавиной прошла мимо меня. И только въ этомъ году я удосужился во что бы то ни стало взглянуть на нее и досталъ билетъ на ее послѣднее выступленіе въ сезонѣ. Спектакль состоялъ изъ двухъ отдѣленій: I. Балетъ „Тщетная предосторожность“ (Карсавина) и II. „Шопениана“ (Фокинъ).

Начался наивный старый балетъ, съ несложной музыкой, дѣтской буффонадой и труднѣйшими номерами разнообразныхъ танцевъ. Насколько я читалъ и слышалъ, главною прелестью Карсавиной считались сюжеты чисто-лирическіе, — роли мечтательныя. А здѣсь героиней была шаловливая проказница, съ невиннымъ сердцемъ. Удася ли ей это?..

И однако съ перваго появленія на сценѣ Карсавина обнаружилась поистинѣ виртуозный комизмъ. Искры юмора такъ

засверкали на ея лицѣ, полуспрыганномъ высокимъ чепчикомъ, что въ залѣ сразу послышался смѣхъ. И тутъ же она пробѣжала по сценѣ на такихъ безукоризненныхъ „пуантахъ“, что насчетъ техники самыя придирчивыя критики должны были бы поставить ей наивысшую отмѣтку.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ писали, что Карсавина уклонилась отъ традиціи, что она слишкомъ обострила и чуть ли не шаржировала роль, созданную въ скромномъ и сдержанномъ рисункѣ стараго стиля. Нѣтъ. Здѣсь было настоящее, искреннее творчество. Здѣсь наблюдалось такое богатство художественныхъ деталей, что у меня часто вырывалось невольное „браво“, подхватываемое во всѣхъ уголкахъ театра.

Въ техническихъ выступленияхъ, вмѣстѣ съ Карсавиной, участвовали лучшія, заслуженныя солистки труппы, и все же техника Карсавиной блистала, такъ сказать, „внѣ конкуренціи“.

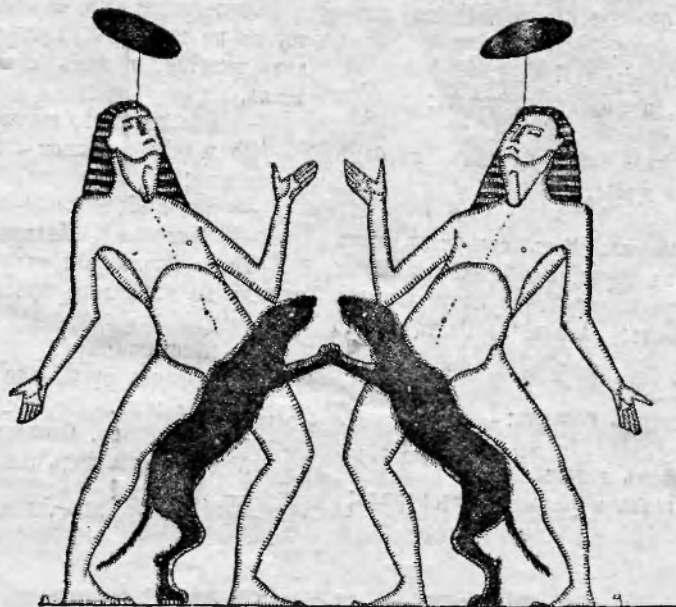
Отмѣчаю, что спектакль былъ въ нѣкоторомъ отношеніи пикантнымъ... Въ немъ соединились только что прошумѣвшіе въ газетахъ враги — Карсавина и Фокинъ, оба чрезвычайно талантливые.

Но Фокинъ болѣзненно-чувствителенъ. Какъ „новаторъ“, онъ часто бываетъ негершимъ.

Послѣ первой части спектакля Карсавина ушла. Началась „Шопениана“, гдѣ Фокинъ былъ, въ свою очередь и по-своему, прекрасенъ.

Оба артиста имѣютъ свое особое, большое мѣсто въ искусствѣ.

С. Андреевскій.

Т. П. Карсавина.

ЛЕОНИДЪ ГАЛИЧЪ.

TERROR ANTIQUUS.

Посвящается Л. В.

Прологъ.

И опять, покинувъ старый берегъ,
Въ пустоту стремлять меня мечты,
Гдѣ цвѣтутъ несозданныхъ Америкъ
Ядовито-знойные цвѣты.

Не цвѣты—лазурныя кадила,
Что струять и гибель, и порокъ:
Тамъ душа когда-то уронила
Голубой невинности цвѣтокъ.

Онъ возросъ на сладострастномъ ложѣ,
Онъ впиталъ неизъяснимый бредъ
И пьянитъ, качаясь у подножій
Всѣхъ безумствъ, падений и побѣдъ.

Царица-Смерть.

У ручья, звенящаго въ пустынѣ,
Въ раскаленномъ воздухѣ грѣха
Черныя огромныя рабыни
Разстилаютъ пестрые мѣха.

Какъ столбы, ихъ бронзовыя ноги,
Страшны мышцы исполинскихъ рукъ,
И пророчить въ небѣ серпъ двурогій
Чась послѣднихъ, часъ любовныхъ мукъ.

Вотъ къ мужамъ сразиться въ поединкѣ
Рыжая царица подошла.
Какъ хрупки въ объятыхъ исполинки,
Какъ блѣдны ихъ тонкія тѣла!

Рыжая огромная тигрица,
Ты влечешь на сладострастный мѣхъ;
Чей чередъ неслыханно томиться
Для твоихъ изысканныхъ утѣхъ?
Чей чередъ властительныхъ объятій
Испытать несокрушимый плѣнъ,
Трепеща при мысли о расплатѣ
У твоихъ атласистыхъ колѣнъ?

Ты сама его насытишь страстью,
Одурманишь хищной наготой—
Пусть умретъ въ утѣху самовластью
Подъ твоей безжалостной пятой.

И когда надъ маревомъ пустыни
Заалѣетъ ласково востокъ,
Черныя огромныя рабыни
Будутъ рыть зардѣвшійся песокъ.

Будутъ рыть, упрямо сдвинувъ брови,
Трепеща отъ зависти тупой,
Попирая лужи алой крови
Черною лоснящейся столой.

Янтарь.

Въ далекой, холодной равнинѣ,
Гдѣ земля полгода бѣла,
Я когда-то росла не рабыней,
Я царевною гордой росла.
Но едва обозначились груди
И на тѣлѣ зардѣлъ пушокъ,
Какъ пришли курчавые люди
На нашъ бѣлокурый востокъ.
Я помню—ихъ трубы ревѣли
Въ лѣсахъ, зловѣщи, наглы,
И на длинныхъ шестахъ летѣли
На насъ золотые орлы.
Они не жалѣли крови
Въ холодной, чуждой сторонѣ.
Но всѣхъ блѣднѣй и суровѣй
Былъ тотъ—на бѣломъ конѣ.
Какъ мальчикъ, хрупкій и тонкій,
Съ печалью въ гордыхъ чертахъ,
Онъ былъ слабѣе ребенка,
Но гибель сѣялъ и страхъ.
Чуть сдвинетъ черныя брови—
И, какъ съ вершины скалы,

Летятъ за добычею крови
Его золотые орлы.
И за эти блѣдныя руки,
И за этотъ холодный взоръ
Я себя предала на муки,
Предала на вѣчный позоръ.
Я ласкала въ походной палаткѣ
Съ дрожью въ тѣлѣ, не смѣя дохнуть,
И пурпурной мантии складки,
И не знавшую трепета грудь.
И, покорная волѣ героя,
Я бойцовъ золотого орла
Мнѣ лишь вѣдомой горной тропой
На отеческіи станъ повела.
Чу, какъ воютъ зловѣщія трубы,
Какъ мечи и звенять, и разятъ
И какъ властно любимыя губы
Посылаютъ на гибель солдатъ.
И когда перестали рубиться,
И когда отзвучала труба,—
Ахъ, не называлъ меня онъ царицей,
Онъ надменно сказалъ: «Ты—раба».

Я босая хожу, нагая,
На груди—позорный янтарь.
Но тебѣ и понижѣ вѣрна я,
Мой надменный, холодный царь.
О, я знаю, исполнятся сроки,
Свершится полетъ времени,
И придетъ мой любовникъ жестокий,
Вернется, вернется онъ.
Сладко пахнетъ отъ моей кожи,
Опьяняетъ моя нагота;
Обойму я тебя на ложѣ,
Напою любовью уста.

Посмотри: я могуча, какъ львица,
Какъ въ моихъ объятыхъ ты слабъ!
Я тебя заставлю томиться,
Въ эту ночь ты будешь мой рабъ.
Въ эту ночь, подъ любовный лепетъ,—
Отчего ты такъ странно затихъ?—
Ты впервые извѣдаешь трепетъ
Въ убивающихъ ласкахъ моихъ.
А наутро, когда къ изголовью
Намъ пошлетъ денница зарю,
Я твоей невѣрною кровью
Мой позорный янтарь обагрю.

Леонидъ Галичь.

Н. ДЕРНЕРЪ.

ИЗЪ ТЬМЫ ВРЕМЕНЪ.

Еврейство 2 500 лѣтъ назадъ.

„Блѣднѣютъ боги Мицраима,
Какъ туча, слава ихъ пройдетъ“.
Вл. Соловьевъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ на нильскомъ островѣ Элефантинѣ, въ Верхнемъ Египтѣ, было сдѣлано одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій, какими можетъ гордиться востоковѣдѣніе. Случайная находка весьма обогатила исторію еврейства, но между прочимъ поддержала (это, надо замѣтить, уже не первый разъ въ XIX—XX столѣтіи) историческій престижъ Библии, со временъ тюбингенскихъ скептиковъ слишкомъ часто подвергавшіяся сомнѣніямъ. Въ нашей общей, не специальной, печати до сихъ поръ ничего не говорилось объ этомъ событіи; во всей „свѣтской“ литературѣ русской мы замѣтили только одно—и то краткое и неточное—упоминаніе о немъ (очерки А. Н. Львова „Въ странѣ Амон-Ра“, 1911 г.),—между тѣмъ у англичанъ, нѣмцевъ и французовъ элефантинскія рукописи, превосходно изданныя и комментированныя, породили рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій. Предъ нами лежитъ первый русскій опытъ популяризаціи новаго приобрѣтенія науки—книжка И. М. Волкова „Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х.“ (М., 1915 г.).

Въ V вѣкѣ Египетъ находился подъ владычествомъ персовъ, покорившихъ весь тогдашній семитическій міръ и въ разныхъ пунктахъ державшихъ свои гарнизоны и учредившихъ военные колоніи. Однимъ изъ важныхъ форпостовъ сферы персидскаго вліянія была Элефантина, охранявшая южный Египетъ и нубійскую границу, и здѣсь существовала довольно значительная еврейская колонія.

Когда она возникла, неизвѣстно, но она имѣла свой храмъ, — не синагогу, не молитвенный домъ, а настоящій храмъ, которому были присвоены всѣ функціи, принадлежащія великому, единому Іерусалимскому храму. „Наши отцы, — рассказываютъ элефантинскіе евреи въ одномъ изъ документовъ, — построили тотъ храмъ въ крѣпости Элефантинѣ еще въ дни египетскихъ царей, и когда Камбизъ пришелъ въ Египетъ, онъ нашелъ этотъ храмъ уже выстроеннымъ, и, въ то время какъ всѣ храмы египетскихъ боговъ были разорены, нашему храму никѣмъ не было причинено никакого вреда“. Эта краткая сивавка проливаетъ свой свѣтъ на нѣкоторые мѣста Библии, подтверждаетъ эллинистическія свидѣтельства о до-персидскихъ поселеніяхъ евреевъ въ Египтѣ и разрушаетъ одно изъ рутинныхъ сомнѣній. Еврейская діаспора стала возникать гораздо раньше, чѣмъ принято было до сихъ поръ думать. Аристей въ извѣстномъ письмѣ о переводѣ Библии на греческій языкъ семьюдесятью толковниками указалъ довольно ясно, что еще фараонъ Псамметихъ I, ранѣе послѣдней четверти седьмого столѣтія, пользовался услугами евреевъ при походѣ на эіоповъ. Второзаконіе велитъ іудейскому царю не держать слишкомъ много лошадей, такъ какъ въ обмѣнъ за нихъ онъ долженъ посылать на египетскую службу своихъ подданныхъ. Самый же главный доводъ въ пользу древности элефантинской колоніи—полная и широкая

религіозная автономія ея храма, такъ какъ въ V вѣкѣ, въ которому относятся найденные документы, въ религіозномъ сознаніи евреевъ уже была глубоко вкоренена мысль, что у Іеговы можетъ быть только одинъ храмъ—въ Іерусалимѣ.

Указываетъ на древность элефантинской колоніи еще одно обстоятельство. Кромѣ Іеговы (Ягу), „бога неба“, „Ягу воинствъ“, элефантинскіе евреи чтили еще другія, низшія божества угасавшаго семитическаго Олимпа. Въ одномъ судебномъ процессѣ между евреями рѣшающее значеніе имѣла „клятва предъ нашимъ богомъ Херембетелемъ“. Упоминаются также Ашембетель и Анатбетель, вѣроятно та богиня войны, которой молились, по словамъ Іереми, еврейскія женщины въ Іерусалимѣ и въ Египтѣ. „Свойственная наивной религіозной мысли народной массы склонность перенести въ потусторонній міръ порядки и отношенія міра земного дала себя знать и среди элефантинскихъ іудеевъ. Владыкою группы божествъ является Ягу, „богъ неба“, всѣ остальные божества подчинены ему, суть только его „воинство“, занимая въ культѣ только второстепенное положеніе, подобно божествамъ, сосредоточивавшимся около Ягве, въ Палестинѣ, до эпохи реформы при Іосіи. Самъ Ягу, по представленію элефантинскихъ іудеевъ, слишкомъ высокъ для того, чтобы вмѣшиваться въ мелочи повседневныхъ отношеній людей, онъ представляетъ это второстепеннымъ божествамъ, на свою же долю оставляетъ болѣе серьезныя промыслительныя задачи. Поэтому при всевозможныхъ торговыхъ и т. п. сдѣлкахъ члены общины клянутся обычно не именемъ Ягу, а именами второстепенныхъ божествъ. Черты религіознаго быта элефантинскихъ іудеевъ, духъ и формы его были тѣ же, что и у еврейской народной вѣры до эпохи Іосіи и его реформы. Эхо реформы донеслось конечно и до элефантинской общины, но существенно на религіозный укладъ ея не повліяло“.

О прочной осѣдлости евреевъ въ Элефантинѣ свидѣлствуетъ не только существованіе храма, но и семейный ихъ бытъ и землевладѣніе. Служа въ гарнизонѣ, они обладали также домами, землями и рабами; подчиняясь персидскому коменданту, община пользовалась нѣкоторой самостоятельной юрисдикціей въ своихъ семейныхъ и незначительныхъ внутреннихъ дѣлахъ, не касавшихся не-еврейскихъ интересовъ. Обиходнымъ языкомъ элефантинскихъ евреевъ былъ арамейскій — тогдашній французскій языкъ всего семитическаго Востока, до такой степени распространенный, что по-арамейски написаны нѣкоторые части Библии и Талмуда. Всѣ найденные папирусы даютъ исключительно арамейскій текстъ. Еврейскій языкъ оставался повидимому только языкомъ богослуженія, а народъ пользовался общегражданскимъ языкомъ. Такая древняя и вмѣстѣ такая типичная картина еврейской жизни!

Тѣмъ не менѣе элефантинскіе евреи были настоящими, правовѣрными евреями и не порывали связи съ Іерусалимомъ. Вотъ замѣчательный документъ (419 г. до Р. Х.):

„Моямъ братьямъ Іедонія и его соговарщикамъ, іудейскому войску, вашъ братъ Хананія.

М. Добужинский. Поляки.

„Да благословить Богъ (Elhj'—еврейское Elohim) монахъ братьевъ...“

„Теперь:

„Въ этомъ году, 5 году царя Дарія (II), отъ царя отправлена вѣсть Аршаму (персидскому генераль-губернатору Египта). Теперь—считайте такъ: сосчитайте четырнадцать дней нисана и отъ 15 до 21 нисана ѣшьте опрѣсочки. Будьте чисты и воздержны, не работайте, не пейте и не ѣшьте ничего, въ чемъ есть квасное тѣсто, отъ захода солнца 15 нисана до 21 нисана, до захода солнца, и не вносите въ свои жилища...“

„Моимъ братьямъ Иедони и его сотоварищамъ, иудейскому войску, вашъ братъ Хананія“.

Съ виду это—указъ о празднованіи Пасхи, какъ называлъ данный документъ издатель египетскихъ памятниковъ Эд. Захау. Но другой ученый, Штейернагель, обратилъ внимание на то, что здѣсь о Пасхѣ ни слова не сказано, а говорится лишь объ опрѣсочныхъ дняхъ; по его мнѣнію, „около 420 г. до Р. X. въ Палестинѣ окончательно вошло въ практику не прививавшееся до того времени празднованіе опрѣсочныхъ дней, какъ особаго самостоятельнаго праздника. Ввели его у себя, іерусалимская община могла чрезъ того же Хананія

М. Добужинский. Пльнные австрійцы.

добиться царскаго указа о празднованіи этого праздника и своими единоверцами въ Египтѣ“. На черепкахъ, найденныхъ тутъ же и принадлежащихъ къ той же эпохѣ, упоминаются праздники Пасхи (psch'), Кушдей (skj'). Хананія, подписавшій этотъ приказъ, упоминается въ Библии. Онъ былъ родной братъ Нееміи и, когда Неемія состоялъ при персидскомъ дворѣ, хлопоталъ черезъ него за Іерусалимъ, потомъ былъ однимъ изъ начальниковъ іерусалимскаго гарнизона, а послѣ смерти Нееміи занялъ его мѣсто при дворѣ и занимался дѣлами по сношеніямъ персидскаго правительства съ іудеями діаспоры.

Въ 410 г. надъ элефантинскими евреями разразилось великое несчастье: пала ихъ гордость и святыня, старинный храмъ Іеговы былъ разгромленъ и уничтоженъ. Погромъ былъ учиненъ „истинно-египетскими людьми“ и жрецами туземнаго бараноголоваго бога Хнума. Персидская мѣстная власть не только не помѣшала преступленію, но очевидно помогала ему; по крайней мѣрѣ персидскій комендантъ Элефантины принялъ непосредственное участіе въ разрушеніи

храма. Элефантинскіе евреи отчасти кололи глаза жрецамъ Хнума своимъ гордымъ храмомъ съ его культомъ Іеговы, привлекавшимъ прозелитовъ, отчасти, будучи орудіемъ въ персидскихъ рукахъ, находились между молотомъ и наковальней и по отношенію къ мѣстному населенію были ближайшими представителями ненавистнаго персидскаго ига. Взаимныя отношенія народностей давно были испорчены, и наконецъ громъ грянулъ.

Вотъ что черезъ три года послѣ печальнаго событія писали Вагою, персидскому генераль-губернатору Іудей, названный выше глава элефантинской общины „Іедонія и его товарищи, священники (khnj') въ крѣпости Элефантинѣ“:

„Въ мѣсяцъ таммузъ 14 года царя Дарія, когда Аршамъ отправился къ царю, жрецы бога Хнума въ крѣпости Элефантинѣ составили слѣдующій заговоръ съ Вандрангомъ, который былъ здѣсь комендантомъ: „Храмъ бога Ігу, что въ крѣпости Элефантинѣ, слѣдуетъ удалить отсюда“. Тогда этотъ проклятый Вандрангъ послалъ слѣдующее письмо своему сыну Нефани, военачальнику въ крѣпости Сіенѣ: „Храмъ

въ крѣпости Элефантинѣ слѣдуетъ разрушить“. Нефанія привелъ египтянъ и другихъ солдатъ. Они пришли въ Элефантину со своимъ оружіемъ, вошли въ тотъ храмъ, разорили его до основанія и разбили каменные колонны, находившіяся тамъ; разбили также пять каменныхъ вратъ, находившихся въ храмѣ, а деревянныя двери, мѣдныя крюки этихъ дверей, срышу изъ кедроваго дерева,—все это вмѣстѣ съ прочимъ обращенемъ и все остальное, находившееся тамъ, сожгли; жертвенныя же чаши изъ золота и серебра и все прочее, находившееся въ храмѣ, взяли и присвоили себѣ“.

Персидская центральная власть, какъ видно изъ дальнѣйшаго, не оставила виновныхъ безнаказанными: Вандрангъ и прочіе негодяи понесли суровую кару, быть можетъ, были даже лишены жизни. Но евреевъ это не стѣснило. Храмъ лежалъ въ развалинахъ, богослуженіе въ немъ не отправлялось, и имъ не позволяли возстановить его.

„Съ мѣсяца таммуза 14 года царя Дарія до нынѣшняго дня,—горько жалуются они,—мы носимъ траурныя одежды и постимся, жены наши стали подобны вдовамъ, мы не умащаемся масломъ и не пьемъ вина, и съ того времени до сегодня, 17 года царя Дарія, въ этомъ храмѣ не приносится ни жертва хлѣбная, ни жертва куренія, ни жертва всесожженія“.

Для возсозданія храма нужна была двойная санкція: іерусалимской храмовой коллегіи и персидской власти. Ни персидское правительство, ни іерусалимское священство не хотѣли сначала удовлетворить ходатайство элефантинской общины. Персы боялись раздражить египтянъ, іерусалимская коллегія защищала монополию великаго храма на совершеніе богослуженія въ полномъ объемѣ и желала извести элефантинскій храмъ до положенія простаго дома молитвы. На всѣ просьбы, съ которыми обращались элефантинскіе евреи къ „первосвященнику Іехоханану, его товарищамъ, священникамъ въ Іерусалимѣ, Остану, брату Ананіи, и знатымъ іудеямъ“, они не получили отвѣта. И вотъ въ 407 г. они пишутъ Багою:

„Теперь такъ говорятъ твои слуги, Іедонія и его товарищи и всѣ іудеи, жители Элефантины. Если нашему господину будетъ благоугодно, позаботься о томъ, чтобы нашъ храмъ былъ выстроенъ снова, такъ какъ намъ не позволяютъ отстроить его вновь. Воззри на получающихъ плоды твоей доброты и милости, пошли имъ письмо относительно того

храма бога Ягу, чтобы онъ былъ снова выстроенъ въ крѣпости Элефантинѣ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ прежде. И хлѣбныя жертвы, жертвы куренія и жертвы всесожженія будутъ приносимы на алтарь бога Ягу отъ твоего имени, мы, жены, дѣти и всѣ іудеи, живущіе здѣсь, будемъ постоянно молиться за тебя. Если произойдетъ такъ, что этотъ храмъ будетъ наконецъ выстроенъ, то у тебя будетъ больше заслуги предъ Ягу, небеснымъ богомъ, чѣмъ у того, кто принесъ бы ему жертву всесожженія и кровавую жертву стоимостью въ тысячу талантовъ серебра. Относительно же

золота мы послали извѣстіе и увѣдомили. О всемъ этомъ дѣлѣ мы сообщили также въ письмѣ отъ своего имени Делани и Шелеми, сыновьямъ Спимубаззита, намѣстника Самаріи. Аршамъ же не знаетъ ничего о томъ, что намъ причинено“. Намекъ на „золото“ весьма понятенъ и относится, если не прямо къ Багою, то во всякомъ случаѣ къ тѣмъ членамъ персидскаго правительства, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе. Увѣдомленіе, что „Аршамъ ничего не знаетъ“, должно было дать понять Багою, что генераль-губернаторъ къ грому не причастенъ, и, значитъ, хлопоты по этому дѣлу не могутъ его скомпрометировать и вызвать съ его стороны противодѣйствіе. Обращеніе къ сыновьямъ влиятельнаго Спимубаззита, самарискаго намѣстника, явно было рассчитано на то, что самарискаго община, менѣе ортодоксальная, чѣмъ іерусалимская, отнесется благосклонно къ просьбѣ элефантинцевъ и поддержитъ ее. Прибавимъ, что Спимубаззитъ упоминается въ книгѣ Нееміи, такъ же, какъ первосвященникъ Іехохананъ; имена послѣдняго и намѣстника Багою встрѣчаются у Исафа Флавія.

Какой изъ этихъ путей привелъ къ цѣли, неизвѣстно,—можетъ быть, всѣ вмѣстѣ,—но прошеніе элефантинскихъ евреевъ было уважено, хотя не полностью. Генераль-губернатору Аршаму дано было знать—„относительно жертвеннаго дома небеснаго бога, построеннаго нѣкогда, еще до Камбиза, въ крѣпости Элефантинѣ, но разрушеннаго проклятымъ Вандрангомъ, въ 14 году, царя Дарія, чтобы онъ былъ выстроенъ вновь въ томъ видѣ, какъ существовалъ раньше, и чтобы на этомъ алтарѣ были приносимы жертвы хлѣбныя и жертвы куренія, какъ это дѣлалось прежде“. Съ правомъ приносить жертву всесожженія элефантинской общинѣ пришлось, скрѣпя сердце, разстаться; впрочемъ это предвидѣлось заранѣе. По крайней мѣрѣ до

И. Квятковскій. „Гибель Надежды“. Гердь. (Г. М. Хмара.)

Г. Верейский. „Сверчок на печи“. Мистеръ Теклономъ (Е. Б. Вахтанговъ). Берта (В. В. Соловьева).

насъ дошелъ обрывокъ обязательства, выданнаго одному влиятельному лицу пятью видными членами элефантинской общины: „если нашъ господинъ... и храмъ бога Ягу... въ крѣпости Элефантинѣ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ раньше, п овцы, тельцы и козы не будутъ приносимы тамъ въ жертву, но только жертвы куренія и хлѣбныя... и нашъ господинъ извѣститъ... мы доставимъ въ домъ нашего господина... тысячу мѣръ ячменя“. Уже извѣстный намъ Иедонія, сынъ Гемарія, значится на этомъ документѣ первый. Рядомъ съ нимъ—Осія, сынъ Ятома, и другой Осія, сынъ Натана.

Имена всѣхъ троихъ и еще нѣсколькихъ мы встрѣчаемъ въ другомъ документѣ, дошедшемъ до насъ тоже во фрагментахъ, но достаточно яснаго содержания.

„Вотъ имена мужей, которые были найдены у вратъ и уиты... Иедонія, сынъ Гемарія, Осія, сынъ Ятома, Осія, сынъ Натана, его братъ Аггей, Ахія... дома, въ которые они ворвались въ Элефантинѣ, и драгоценности, взятая ими“... И т. д.

Это случилось въ 405 г., черезъ два года послѣ того, какъ элефантинскіе евреи добились разрѣшенія возстановить свой храмъ. Имъ не удалось осуществить свою завѣтную мечту. Едва ли они даже успѣли приступить къ постройкѣ, когда Египетъ возсталъ противъ персовъ. При этомъ жестоки доплатились евреи. Нетерпимая националистическая политика новыхъ египетскихъ фараоновъ должна была конечно

искоренить изъ головъ евреевъ всякую надежду на возстановленіе элефантинскаго храма.

Такъ кончается эта грустная повѣсть изъ еврейской жизни эпохи древнѣйшей діаспоры!

Скептицизму новѣйшей библейской исторической критикѣ элефантинскіе папирусы нанесли сильный ударъ. Не будемъ говорить о такихъ курьезахъ, какъ книга П. А. Морозова („Пророки“), который „по звѣздамъ“ рассчиталъ, что Библия—какой-то символическій календарь, да и самое еврейство возникло лишь черезъ 600 лѣтъ послѣ Христа. „Библейско-исторически,—говоритъ И. М. Волковъ,—особенно важно близкое отношеніе арамейскихъ документовъ къ литературнымъ источникамъ книгъ Эздры и Неемии. Оба вида этихъ источниковъ (акты официальныхъ взаимоотношеній центрального персидскаго правительства и мѣстныхъ органовъ власти по дѣламъ Палестины и мемуары самихъ Эздры и Неемии до самаго послѣдняго времени, какъ извѣстно, подвергались большому сомнѣнію относительно своей подлинности: содержание ихъ признавалось несоответствующимъ духу персидской религіозной палтнки, форма—чуждой характеру персидскаго правительственнаго дѣлопроизводства, датировки—неточными или совсѣмъ неправильными. Новооткрытыми документами положенъ навсегда конецъ такому крайнему недоувѣрію. И по содержанию, и со стороны формы эти документы какъ нельзя болѣе согласуются со свидѣтельствами источниковъ книгъ Эздры и Неемии, своими датировками и

упоминаемъ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ лицъ давая драгоцѣнный матеріалъ для освѣщенія и дополненія библейскихъ свѣдѣній о событіяхъ такой сравнительно темной для науки эпохи, какъ время отъ Эздры и Нееміи до Александра Македонскаго. Между прочимъ въ числѣ этихъ документовъ оказался араменскій переводъ знаменитой бегистунской надписи—манифеста Дарія I о восшествіи на престолъ. Въ связи съ найденнымъ недавно въ Вавилонѣ вавилонскимъ текстомъ манифеста эфептинскій папирусъ устанавливаетъ, что манифестъ былъ не только увѣковѣченъ на неприступной высотѣ бегистунской скалы, но разосланъ во всѣ части объединеннаго персидскаго государства на разныхъ языкахъ.

Эфептинскіе папирусы знакомятъ насъ съ частно-правовыми институтами и семейственнымъ правомъ еврейства двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ. Они даютъ понятіе о сдѣлкахъ займа, заклада, мѣны, даренія, раздѣла наслѣдства, уступки правъ, о формальномъ и матеріальномъ содержаніи еврейскаго законодательства, объ экономической жизни, о брачныхъ и семейныхъ отношеніяхъ. На многоженство нѣтъ ни малѣйшаго намека; юридическая природа брака обеспечивается письменнымъ договоромъ, гдѣ предусмотрены и формула развода, и имущественныя отношенія сторонъ въ случаѣ расторженія брака. Женѣ вносить за невѣсту калымъ отцу ея, который снабжаетъ свою дочь приданымъ (своего рода „рядная записъ“ о немъ включена въ брачный контрактъ). Оговорены права сторонъ на наслѣдство другъ послѣ друга. Причины развода не указаны, но проведена разница между серьезными обстоятельствомъ и прихотью, которая карается штрафомъ въ пользу другой стороны; интересно, что капризъ ожидается со стороны мужа, не жены. Разводъ начинался простымъ заявленіемъ недовольнаго супруга въ собраніи общины: „я ненавижу моего мужа (мою жену)“. Женѣ во всякомъ положеніи дѣла возвращалось ея приданое, которое она „все, отъ рѣдьки до нитки, можетъ взять съ собою и идти, куда захочетъ“. Вообще же эти документы не выходятъ изъ предѣловъ древне-вавилонской и библейской правовой традиціи.

Ими открывається также уголокъ литературныхъ интере-

совъ эфептинской еврейской общины. Виблейская книга Товитъ кратко рассказываетъ объ Ахиахарѣ (Ахикарѣ), добродѣтельнымъ и мудрымъ мужѣ, едва не павшемъ жертвой козней своего воспитанника Амана. Повѣсть объ Ахикарѣ была очень распространена на всемъ Востокѣ, всегда любимъ поучительное чтеніе; проникла она въ свое время и въ русскую письменность (сказаніе о царѣ Синагринѣ и его совѣтникѣ, премудромъ Акирѣ). Эфептинскіе папирусы дали арамейскую версію разсказа, древнѣйшую изъ всѣхъ. Эти „Изреченія Ахикара“ по имени, мудраго и искуснаго писца, который онъ преподалъ своему сыну“, были редактированы арамейскимъ писателемъ около V вѣка до Р. Х., и весьма возможно, что именно эта редакція была знакома автору книги Товитъ, написанной лѣтъ триста спустя.

Главной долей эфептинскихъ находокъ наука обязана экспедиціи, работавшей въ декабрѣ 1906 и январѣ и февралѣ 1907 г. подъ руководствомъ О. Рубензона и Ф. Цуккера; она была снаряжена на средства, пожертвованныя однимъ изъ Ротшильдовъ. Уже въ 1907 г. началась публикація открытій, а въ 1911 г. Эдуардъ Захау выпустилъ монументальное изданіе всѣхъ добытыхъ экспедиціей Рубензона и Цуккера папирусовъ и надписей на черепкахъ, съ фототипическими снимками, транскрипціей квадратнымъ шрифтомъ, комментариемъ и переводомъ. Широкой русской и русско-еврейской читающей публикѣ достаточно ясное представленіе о культурномъ, историческомъ и религіозномъ значеніи эфептинскихъ открытій даетъ прекрасная книжка И. М. Волкова.

Можно ли ожидать дальнѣйшихъ находокъ такого же рода въ Верхнемъ Египтѣ? Мы бы не рѣшились сказать „нѣтъ“. Благодатная почва Египта дала наукѣ и искусству столько сокровищъ. Хочется вѣрить, что она чревата еще многими прекрасными и заманчивыми неожиданностями. Эфептинскіе папирусы появились тоже неожиданно, къ нимъ не вела никакая традиція. Извѣстіе о разрушенномъ храмѣ наводитъ на мысль о богослужебной литературѣ того времени, о древнѣйшемъ текстѣ Пятикнижія. „Съ Востока свѣтъ“... Еще не всѣ слова сказаны и не всѣ тайны выданы.

Н. Лернеръ.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Письма со стороны.

V.

Талантливый молодой философъ С. I. Гессенъ напечаталъ недавно въ сборникѣ „Вопросы міровой войны“ превосходную статью „Идея нація“. Въ ней очень умно и здраво анализируются основанія и смыслъ націонализма въ разныхъ стадіяхъ его историческаго развитія—духовный подъемъ, неразрывно связанный съ національнымъ самоопредѣленіемъ, когда нація себя утверждаетъ, какъ необходимый элементъ челоѣчества, и нравственное паденіе націй, когда она претендуетъ на исключительное мѣсто въ мірѣ въ ущербъ естественнымъ стремленіямъ другихъ націй.

Я слышалъ С. I. Гессена, когда онъ читалъ свой докладъ въ „Религіозно-философскомъ обществѣ“ и вотъ теперь опять предо мною эта его статья въ иной редакціи, но въ сущемъ свѣдѣніи не измѣненная, и все такая же она умная, справедливая, ясная и точная.

Но строгіе методы отвлеченной философіи, признаюсь, мнѣ вовсе чужды, и, по варварской привычкѣ, не смущаясь, я приношу перѣдко психологизмъ въ сферу чистаго мышле-

нія. Такъ и на этотъ разъ—да проститъ мнѣ это молодой философъ—мнѣ почему-то мерещатся образы, не имѣющіе, на первый взглядъ, прямого отношенія къ этой превосходной статьѣ, и въ умѣ моемъ возникаютъ мысли не „за“ и не „противъ“ этой статьи, а какъ-то параллельно ей.

Дѣло въ томъ, что С. I. Гессенъ—одинъ изъ руководителей очень хорошаго философскаго журнала, въ которомъ до послѣдняго времени сотрудничали современные философы Германіи и Россіи, что, разумѣется, можно было только приветствовать. Но—вотъ бѣда!—товарищи С. I. Гессена по журналу рѣшительно забросили свое философское дѣло и никто ничего не даетъ въ журналъ, который вдругъ какъ-то замеръ, и даже неизвѣстно, когда появится очередная книжка. Объясняется эта забастовка философовъ очень просто. Всѣ они оказались призванными на военную службу, а иные пошли даже добровольцами. И вотъ теперь на Сапѣ эти философы усердно и храбро дерутся—каждый на своемъ фронтѣ—нѣмцы и русскіе. И, быть можетъ, въ штыковомъ бою недавнимъ друзьямъ придется встрѣтиться лицомъ къ лицу, и какой нибудь Карлъ Юганъ Шмидтъ воткнетъ штыкъ въ Петра Петровича Иванова или какой нибудь философъ Иванъ Ивановичъ Петровъ разможжитъ прикладомъ голову своего недавняго друга, съ которымъ онъ

мирно встрѣчался въ Кенигсбергѣ или въ Москвѣ ровно годъ тому назадъ.

Любопытнѣе всего то, что эти сегодняшніе враги и вчерашніе друзья въ мирное время будутъ опять соглашаться, что нація, претендующая на исключительное мѣсто въ мірѣ въ ущербъ стремленіямъ другихъ націй, тѣмъ самымъ предопредѣляетъ свое нравственное паденіе. Но предъ лицомъ войны философы идутъ однако на „врага“ не за страхъ, а за совесть.

Тотъ самый нравственный категорическій императивъ, который сдѣлалъ въ мирные дни Карла Юганна Шмидта такимъ добродѣтельнымъ и даже щепетильнымъ въ нравственномъ отношеніи, вдругъ повелѣлъ ему яростно защищать безнравственную империалистическую программу императора Вильгельма. Тутъ что-то неладно, если разсматривать эти противорѣчія, руководствуясь однимъ лишь нравственнымъ мѣриломъ. И меня весьма интересуетъ вопросъ, можетъ ли человекъ это испытаніе выдержать до конца, не сойдя съ ума. Въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной мѣрѣ во время войны всѣ сходятъ съ ума. И, чѣмъ болѣе человекъ опирается на идею абсолютной нравственности, возводя это отвлеченное начало въ принципъ верховный, тѣмъ болѣе шансовъ на то, что этотъ человекъ потеряетъ голову предъ лицомъ фактовъ и событий. Возможенъ и коллективный психозъ на этой почвѣ. Мы знаемъ и очевидные примѣры, для всѣхъ убѣдительные. Извѣстное „воззваніе къ цивилизованному міру“ нѣмецкихъ интеллигентовъ несомнѣнно написано сумасшедшимъ и подписано такими же душевно-больными. Я не принадлежу къ числу германофиловъ, но и германофобомъ не смѣю себя назвать, ибо не забылъ еще, чѣмъ я, въ качествѣ русскаго, обязанъ моимъ давнимъ „спутникамъ“—Гете, Бетховену, Новалису, Шеллингу и многимъ инымъ великимъ нѣмцамъ. При всемъ томъ я не могу не видѣть, что коллективное сумасшествіе грозитъ прежде всего Германіи, и не потому, что германскій народъ по существу хуже другихъ народовъ, какъ стараются доказать улицѣ наши квасные патриоты, а, напротивъ, потому, что въ Германіи сейчасъ замѣчается гипертрофія „нравственности“. Конечно вопреки этому и какъ бы видѣ возмездія за забвеніе Живого Личнаго Бога возникаютъ чудовищные факты насилія, разврата, грабежа и гнуснаго обмана, но не эти отдѣльные факты, сами по себѣ отвратительные, составляютъ пагубу возставшаго на мірѣ нѣмецкаго народа. Его пагубу по-прежнему—„долгъ прежде всего“. Вотъ судьба и показала, какая цѣна этому „долгу“. И эта нравственная гордыня превращается на нашихъ глазахъ въ безуміе. Абсолютная нравственность, висѣвшая въ воздухѣ, обращается въ свою

противоположность—абсолютную безнравственность, о чемъ вопіютъ такіе факты, какъ объявленіе по инициативѣ Вильгельма „священной“ войны мусульманъ противъ христіанскаго міра, потопленіе „Лузитани“, бомбы, брошенныя на мирныя кровли Парижа, сотни изнасилованныхъ дѣвушекъ въ Бельгіи, Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ и т. д., и т. д.

Мнѣ скажутъ, что война—страшное и кровавое дѣло, что насиліе на войнѣ неизбежно, что въ рядахъ французовъ, англичанъ, русскихъ, бельгійцевъ, итальянцевъ и сербовъ найдутся также солдаты, которые соблазняются беззащитностью дѣтей и дѣвушекъ. И я не стану отрицать такой возможности. Но я увѣренно скажу, что насиліе и обманъ не возводилось „союзниками“ въ принципъ и систему, какъ это возводится теперь нѣмцами, ослѣпленными какою-то темною силою.

Но Богъ съ ними, съ нашими врагами-нѣмцами и съ нашими „союзниками“. Меня интересуетъ сейчасъ не то, кто изъ насъ лучше, а то, какъ намъ, русскимъ, быть предъ лицомъ событий, какъ намъ уцѣлѣть въ этомъ хаосѣ, какъ намъ „не сойти съ ума“, ибо намъ нужна не только побѣда надъ врагомъ, но и наше внутреннее обновленіе, одолѣніе не только нѣмецкаго империализма, но и нашихъ собственныхъ грѣховъ. Главное—уцѣлѣть, не потерять „образа Божія и подобія“. Вѣрю, что мы побѣдимъ и одолѣемъ „облаго врага“, того, у кого „лица вовсе нѣтъ“. Побѣдимъ потому, что мы не обольщаемъ себя надеждою на исключительность „нравственнаго долга“ и не вѣримъ въ абсолютную безусловность разума; побѣдимъ, потому что есть еще въ насъ „простота“, что войну мы приняли „по-мужички“. А вѣдь мужикъ принимаетъ войну не по приказу „нравственнаго категорическаго императива“, а потому, что онъ самъ—земля. И чтобы спасти себя отъ безумія, надо къ землѣ прикинуть, быть съ нею вмѣстѣ. Она—надежная защита отъ всякаго рода „отвлеченныхъ началъ“. Мужикъ нашъ космозыченъ, но онъ всегда—„символистъ“, ибо символизмъ и есть пониманіе міра, какъ живого и цѣльнаго начала. Мужикъ чувствуетъ, что земля—не мертвое и косное, а живое и личное существо. Если мы съ нимъ вмѣстѣ въ это повѣримъ, намъ будетъ легко иго войны, ибо трудно и даже непереносимо это иго для того, кто одинокъ, а вѣдь „абсолютная нравственность“ не избавитъ насъ вовсе отъ одиночества.

Въ заключеніе, возвращаясь къ превосходной въ своемъ родѣ статьѣ С. І. Гессена, долженъ признаться, что, несмотря на ея умную тенденцію, къ событіямъ современнымъ она имѣетъ лишь косвенное отношеніе. Въ планѣ нравственномъ не разрѣшается вопросъ о томъ, какъ намъ быть, защищая нашу землю отъ врага. **Борисъ Кремневъ.**

Продолжается ПОДПИСКА
на 1915 г. (37-й год)
на еженедельн. художественно
литературный семейный
ЖУРНАЛЪ

РОДИНА

ОБИЛЕ и РАЗНООБРАЗИЕ
материала для чтения и иллю-
страции.
УЧАСТИЕ ВЫДАЮЩИХСЯ
русских писателей и художн.
Въ 1915 г. подписч. получают:

52 №№ ИЛЛ. ЖУРНАЛА
„РОДИНА“
съ повѣст., разск., стих.
выдающ. писат. и многими кар-
тинами и рисунками.

52 №№ ИЛЛ. „ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
событій текущей жизни въ рисун. и описан.
52 №№ ИЛЛ. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы
отдыха“ юморист. разск., каррикатуры, игры, забавы.

12 КАРТИНЪ ЦВѢТНЫМИ
КРАСКАМИ
по интереснымъ оригиналамъ.

40 ФОТОГРАВИЮРЪ
съ картинъ выдающ. художн.
на вкладн. листахъ мѣловой бумаги

49 ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ
ПРИЛОЖЕНІЙ:
12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ съ рисунками.
12 №№ Новѣйшя МОДЫ (600 рисун.).
12 №№ лист. выкроить. 12 №№ лист.
рисунковъ разныхъ любительскихъ
работъ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ
на 1915 г. въ краскахъ

„РОДИНА“ тщательно отражаетъ со-
временн. войну въ разсказахъ, рисунк.,
снимкахъ и въ особомъ приложеніи
„НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ“ — обзоры военныхъ
и политич. событій, подвиговъ, сраженій.

80 КНИГЪ
(8000 стр.)

26 КНИГЪ
сочиненій
В. ТИХОНОВА

всей России. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 90 романовъ и проч.
Первая 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА высыл. новымъ подписчикамъ
за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азиатскую Россію.

12 КНИГЪ ИЛЛЮСТР. СОБРАНІЯ
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ
(не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ ВОЕННЫЕ и военно-историч. романы В. В.
Муйжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Маурина, а также соврем. бытов. и историч.
романы И. Н. Потапенко, ки. М. Н. Волконскаго, Б. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.)

18 КНИГЪ ИСТОРИЧЕСК. РО-
МАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ
Н. СЕВЕРИНА
высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни России и Польши.

24 КНИГИ „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (до 500 разск.,
интерес. стат.)
журнала „РОДИНА“ съ прилож. и 80 КНИГАМИ

Подписная ЦѢНА „РОДИНЫ“ съ прилож. и 80 КНИГАМИ
За годъ безъ до-
ставки 7 р. Безъ до-
ставки въ
Москвѣ 7 р. 50 к. Съ пере-
сылк. по
Россіи 8 р. РАЗСРОЧКА 3 р.
первый взносъ

ПОДПИСКА въ Акц. 0-въ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, д. 114, и Садовая. 20.

За ПОДАТВЪ ДВУХЪ рублей подписчики могутъ получить еще
20 КНИГЪ со-
БРАНІЯ СОЧИН. А. Д. АПРАКСИНА
35 РОМАНОВЪ, повѣст. и разск., преміи, приложенія изъ авторскихъ журналовъ
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „РОДИНЫ“ съ прилож. и 80 КНИГАМИ
3 р. 75 к. За годъ безъ до-
ставки въ
Москвѣ 3 р. 10 к. Съ пере-
сылк. по
Россіи 3 р. 50 к. первый взносъ
РАЗСРОЧКА 4 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА

необходимо сообщить новый адресъ и обязательно ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтовыхъ
марками и СТАРЫЙ АДРЕСЪ, наклеиваемый на обложку журнала, или сообщать его письменно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
на 1915 г.
ПОДПИСКА
на еженедельный иллю-
стрирован. литературн.
ЖУРНАЛЪ
Гг. подписч. получают:

Всемирная НОВЬ

„Журналъ СОВРЕ-
МЕННОЙ ЖИЗНИ“

3750 стол.
тек-
ста 2000 ил-
лю-
стр.

186 ВЫПУСК.
ЖУРНАЛ.
и
ПРИЛОЖ.

52 №№ илл. „Всемирная НОВЬ“
разсказы выдающ. писат. и масса иллюстрацій
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ и текущей жизни.

52 №№ илл. „СМѢХЪ и САТИРА“
юмористическіе разсказы, сатиры, шу-
тки и злободневныя КАРРИКАТУРЫ.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

КАРТИНА-ПРЕМИИ

12 №№ ИЛЛ. „ХОЗЯЙКА ДОМА“
ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г.
(съ 366 листк.) съ массой свѣ-
дѣній, на папкѣ для подвѣшья.

„СВИДАНІЕ“ — большаго размѣра, художеств.
воспроизведен. во много красокъ,
будетъ БЕЗПЛАТНО подписчик., котор. до 1-го мая
выдана 1915 г. внесуть ГОДОВУЮ ПЛАТУ.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ (68) КНИГЪ

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й:

20 КНИГЪ СОБРАНІЯ
СОЧИНЕН. А. Д. АПРАКСИНА преимуществен.
изъ жизни рус-
ской аристократ.

12 КНИГЪ РОМАНОВЪ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“ (полныхъ трагизма
и захватывающаго
интер. (1350 стр.)

12 КНИГЪ ИЛЛЮСТРИР. СОБРАНІЯ
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ
(большаго формата—1000 стр.), лучшихъ соврем. русск. писателей на темы
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ, а также историч. и бытовья.

24 КНИГИ „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (въ годъ 1900 страк.—до
500 разск. и разн. статей.)

Подписная ЦѢНА „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“ съ 68-ю КНИГАМИ
За годъ съ пе-
ресыл. по Россіи 7 р. 50 к. ЗА ПОЛ-
ГОДА 3 р. 75 к. ЗА
ТРИ МѢС. 1 р. 90 к.

Необходимо ТОЧНО УКАЗЫВАТЬ при подпискѣ № абонемента.

АБОНЕМЕНТЪ № 2-й:

32 КНИГИ

(20 кн. собран. сочин. АПРАКСИНА и
12 кн. романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“).

АБОНЕМЕНТЪ № 3-й:

36 КНИГЪ

(12 больш. книгъ иллюстрир. СОБРАНІЯ
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ и 24 книги
„СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“).

ПОДПИСИ. ЦѢНА „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“
съ КНИГАМИ 2-го или 3-го АБОНЕМ.

За ГОДЪ 5 р. За 6
мѣс. 2 р. 60 к.

За ТРИ мѣс.—1 р. 35 к.
ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА высыл-
ляется БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСКА на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ доставляется въ
ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ,
Лиговская ул. 114—Отдѣл.: ПЕТРОГРАДЪ, САДОВАЯ, 10 (прес. Густинскаго), и
МОСКВА, Петровская линія, конг. Н. Н. Лежневской.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцією Д. В. ФИЛОСОФОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/2 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:—„Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцера соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маршера“, „Два гусара“, „Поликушка“ — **РАЗСКАЗЫ:**—„Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холостомѣръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всѣ качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василии“, „Кто убійца?“, „Иеромонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч.— **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**—„Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Кающийся грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—„Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.— **ПРУДЪ ЧТЕНІЯ**— **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.— **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году
ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонкхудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Зручнина, В. Верхостинскаго, З. Гиппиуса, С. Горюхинова, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачарова, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Рошнина, Ю. Слезина, П. Соловьевой, Ю. Сологуба, А. Чалыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владиміра Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробни, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнина, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новозорскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и
82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать
Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой риунковъ, иллюстрирующіхъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и 50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ
Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательнo ли получать и урналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. Толстого.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особенное вниманіе на ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ ПЕЧАТЬ и ИЗДАТЕЛЬСТВО